

Т. М. Шкапенко

РЕЧЕВЫЕ РЕФЛЕКСЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ РАВНОДУШИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Анализируются прагматический и ономаσιологический аспект речевых рефлексов (РР) со значением равнодушия в современном русском языке. Рассматриваются проблемы исследования РР, связанные с их этноспецифичностью и выражением в виде косвенных высказываний.

The article analyses the pragmatic and onomasiological aspects of 'indifference' verbal reflexes in the contemporary Russian language. The author deals with the challenges of speech reactions studies connected with national peculiarities and indirect speech representations.

Ключевые слова: речь, речевой рефлекс, речевое клише, семантика равнодушия, диалог.

Keywords: speech, verbal reflex, verbal cliché, semantics, semantics of indifference, dialogue.

Под речевыми рефлексами мы понимаем «определенные структуры, которые используются в речи не с номинативными целями, а для организации модально-коммуникативной рамки высказывания. Представляя собой косвенные высказывания, они выражают не собственно речевые действия, но различные обстоятельства речевого акта. Обычно они выступают как реакции на высказывание собеседника, на ситуацию, о которой идет речь, либо на собственную речевую интенцию» [1, с. 685].

Несмотря на то, что речевые рефлексy (РР) являются языковыми универсалиями, этот речевой феномен оказался практически обойденным вниманием лингвистов. Сама постановка проблемы и категоризация данного языкового явления как «речевых рефлексов» принадлежит выдающемуся российскому лингвисту В.Г. Гаку. Авторство идеи подобного исследования не случайно, так как подобные реплики непременно должны привлечь внимание ученого, работающего в парадигме сопоставительной прагматики. «Сопоставительный подход не только заставляет обратить внимание на многие вопросы, которые при обычном “внутриязыковом” исследовании остаются в тени, но и выводит языкознание на проблемы социолингвистики и этнолингвистики» [2, с. 657]. Дело в том, что те стереотипные реплики, с помощью которых мы выражаем свои эмоции, носителям языка представляются столь очевидными и понятными, что их трудно увидеть взглядом сторонним, более того, взглядом лингвистическим. Напротив, иностранец, изучающий русский язык и располагающий знанием определенных этикетных реплик, включенных в учебники, часто приходит в недоумение, попадая в естественную языковую среду. Почему, например, при рас-

ставании русские говорят друг другу: *Ну, давай..?* Или же, что означают реплики: *Ну ты даешь!, Это же надо!* или же *Да плевать я хотел!..?*

Как видно из небольшого ряда приведенных примеров, все РР представляют собой косвенные высказывания, интерпретация которых весьма проблематична для иностранцев. В.Г. Гаком справедливо замечает, что «подобные языковые образования выступают как рекуррентные речевые единицы, имеющие тенденцию к фразеологизации» [1, с. 567]. Следовательно, они являются национально специфичными, и аутентичное владение иностранным языком невозможно без знания этих речевых форм.

Следует заметить, что термин, предложенный В.Г. Гаком, оказался фактически «невостребованным»: мы не обнаружили ни одного исследования, выполненного в рамках предложенного ученым направления прагматики. Безусловно, может возникнуть возражение, что в лингвистической и дидактической литературе широкое распространение получили схожие термины: «речевые клише», «речевые стереотипы» и т.п., чья ономазиологическая представленность в различных языках является основой для составления речевых этикетов. Такие собрания речевых клише составляются с учетом функционально-семантического или ситуативного аспектов и тематически подразделяются на разделы: приветствие, знакомство, выражение мнений, различных эмоций и т.п. Осуществленный нами анализ различных учебников по русскому языку как иностранному позволяет убедиться в том, что те типичные вербальные реакции, которые были выделены В.Г. Гаком в самостоятельную группу речевых рефлексов, не входят (или же входят лишь фрагментарно) в представленные этикетные реплики.

Словари лингвистических терминов характеризуют речевые клише как застывшие предложения, осознаваемые как несвободные (т.е. воспроизводимые целиком) всеми носителями языка. В лингвистической теории приблизительно в том же значении употребляются следующие термины: «речевые стереотипы», «идиомы», «фразеологизмы», «штампы», «групповые шаблоны», «стереотипизированные обороты» и т.д. Все эти речевые явления составляют некое понятийное поле, к которому приближаются поговорки, крылатые слова, цитаты, афоризмы, максимы. Из дефиниции речевых рефлексов, предложенной В.Г. Гаком, следует, что данные вербальные реакции выполняют исключительно модельно-коммуникативную функцию, представляют собой косвенные высказывания и имеют тенденцию к фразеологизации. Исходя из этого, можно предположить, что речевые рефлексы представляют собой определенный класс речевых стереотипов. Однако такое их квалификация представляется в известной степени условным. Во-первых, не все РР можно с точностью классифицировать тематически, во-вторых, стереотипизация в них зачастую происходит не на лексическом, а на синтаксическом уровне, при использовании устойчивого стереотипа нарушения максим Грайса. К примеру, как мы можем определить функции РР, основанных на нарушении максимы количества: *Я кому говорю? Я кого спрашиваю? Или Вы с кем разговариваете?* Понятно, что говорящий и адресат прекрасно знают, какую функцию выполняет

каждый из них в данной коммуникативной ситуации, поэтому избыточное использование таких вопросов имеет исключительно прагматический смысл. В первом случае говорящий увеличивает силу своего приказа, во втором вынуждает спрашиваемого отреагировать на вопрос, в третьем подчеркивает собственный статус по сравнению со статусом адресата. Нелегко поддаются классификации и РР, основанные на нарушении максимы качества, представляющие собой так называемые антифразы, например: *Я вас поздравляю!* Очевидно, очерчивание круга ситуаций, в которых данная антифраза может быть использована, также представляет некоторую трудность.

Более того, многие РР характерны только для разговорной речи, в связи с чем также оказываются исключенными из круга этикетных реплик, предписанных в разделах по речевому этикету иностранных языков. К примеру, распространенная в разговорной речи реплика, звучащая с нарочитой фонетической деформацией и определенной интонацией: *Щас!* — является вполне устойчивым РР, представляющим собой антифразу, означающую отказ что-либо сделать. Понятно, что подобные вербальные реакции в силу невозможности их дословной интерпретации вызывают трудности у иностранцев, попадающих в естественную коммуникативную среду, а следовательно, требуют самостоятельного описания с прагматической точки зрения.

В данной работе мы предпринимаем попытку прагматического анализа тех РР, которые используются в русском языке с целью сообщения адресату своего отношения безразличия, равнодушия к чему-либо.

Все речевые реплики, используемые для выражения данной иллокутивной функции, можно поделить на относящиеся к общелитературным, разговорным и просторечным. При этом первую группу составляют неидиоматизированные единицы, выражающие индифферентное отношение к чему-либо с помощью прямых высказываний: *мне все равно; безразлично; не имеет значения; не важно; не мое дело; нет никакой разницы* и проч., или же выражение, маркированное как «устаревшее» или «поэтическое», — *мне все едино*. Характерно, что вышеприведенные высказывания чаще всего используются в речевой ситуации, ставящей говорящего в условия выбора. Реже они используются как реакция на какое-либо сообщение. Другую группу литературных речевых единиц составляют глагольно-именные образования с глаголом в личной форме и отрицанием: *меня (это) не интересует, не касается, не волнует, не трогает*.

Следует отметить, что при таком ограниченном и безэмоциональном выражении своего равнодушного к чему-либо отношения в общелитературном языке разговорные и просторечные корреляты поражают как обилием способов речевой экспликации, так и их экспрессивностью, зачастую граничащей с агрессией. Для данной группы речевых средств выражения равнодушия характерна их экспликация с помощью косвенных высказываний, имеющих характер речевых стереотипов — то есть речевых рефлексов. К простейшим РР можно отнести производные междометия, имеющие вид «застывших» вопросительных и восклицательных высказываний: *ну и что; а мне-то что?* Данные меж-

дометные восклицания основаны на нарушении максимы количества, так как говорящий на самом деле не интересуется тем, что следует из какого-либо сообщения, или не стремится узнать у говорящего, какое дело ему до данного сообщения, а лишь указывает на свое индифферентное отношение к ситуации или сообщению. Приведенные выше прямые высказывания со значением равнодушия могут также получать форму вопросительных предложений: *Какая разница? А мне какое дело?* Синтаксис, основанный на нарушении максимы количества, также переводит данные вербальные реплики в статус РР.

Среди разговорных средств со значением равнодушия можно выделить группу РР с достаточно оригинальной внутренней структурой: *(мне) до лампочки; до фонаря* или *(мне) по барабану*. В процессе метафорической номинации в качестве своеобразного предела или границы избирается некий объект, по отношению к которому «устанавливается» уровень равнодушия. Если выбор «барабана» в качестве символа равнодушия вполне прозрачен, так как барабану все равно, стучат по нему или нет, то фонарь или лампочка являются вполне необходимыми составляющими нашего ежедневного существования. Хотя, возможно, в данных «вольных» метафорах в известной степени прослеживается малая сознательность русского народа, которому «до фонаря», остается ли лампочка включенной и после ухода потребителей света. Заметим, что данная группа РР, основанных на использовании яркой и неожиданной образности, традиционно вызывает чувство симпатии у иностранцев, изучающих русский язык.

Подобная же «пространственная» структура представления равнодушия характерна и для просторечных и жаргонных РР со значением равнодушия: *по фиг; по фигу; до феньки; до фени*. Определенная фигура из пяти пальцев, с помощью которой в нашей национальной культуре (или же «бескультуре») принято выражать отказ, в данной грамматической форме используется как символ полнейшего равнодушия к какой-либо ситуации или сообщению. *До фени*, пришедшее в разговорную речь из блатного жаргона, на заре своего рождения передавало, вероятно, состояние полного равнодушия по отношению к миру людей, находящихся по ту сторону решетки.

Ономасиологическая «геометрия» как способ выражения равнодушия используется и в более «свежих» разговорных РР: *параллельно, пополам* и *пополамно*. Образ двух параллельных линий, не способных пересечься и, следовательно, высечь искру эмоции, можно признать чрезвычайно удачным и ярким способом языкового выражения абсолютного равнодушия. Свежеиспеченный РР *пополам* также следует приобретенной в процессе номинации традиции наглядного математического представления внутренне безразличного состояния. Деля предмет поровну, номинант указывает на отсутствие причин для появления эмоционального отношения к событию или высказыванию. Вероятно, такая наглядная внутренняя «геометрия» представления равнодушия является специфической чертой номинации данного сегмента внеязыковой действительности в целом.

Следующей ономасиологической особенностью РР со значением равнодушия является использование лексических средств со значением физиологических процессов: *мне плевать; плевать я хотел; чихать; чихать я хотел* и т.п. В данных репликах явным образом прослеживается не только экспрессивность, но и агрессивность говорящего. Выбирая из всего богатства речевых реплик подобные способы выражения своего безразличия, говорящий косвенным образом выражает свое презрительное отношение к объекту, на который он готов извергнуть производные субстанции своих мало презентабельных физиологических процессов. Хотя, позволим себе здесь любопытное сопоставление: Иммануил Кант был убежден в целительности слюны для организма и непозволительности ее расточительного использования. «Дополнительное преимущество привычки дышать носом, если мы не ведем беседу сами с собой, состоит в том, что все время выделяющаяся и смачивающая горло слюна благотворно влияет на пищеварение (*stomachale*), а подчас (будучи проглочена) действует и как слабительное, если решение не расточать ее в силу дурной привычки достаточно твердо» [4, с. 313]. Но, как известно, что немцу — здорово, на то русскому — наплевать.

Возвращаясь к загадке агрессивности выражения равнодушия в многочисленных РР, позволим себе высказать предположение о том, что в определенных ситуациях иллокутивная цель говорящего состоит не столько в выражении своего безразличия, сколько в доведении до сведения адресата факта своего равнодушия, вполне вероятно, вынужденного или показного. Для говорящего крайне важен сам перлокутивный эффект, в связи с этим в подобных РР прослеживается тенденция к препозиции эмоционально-оценочного компонента, что обуславливает выбор из всех средств выражения самого «сильного» синонима. При отсутствии конкретного слушателя использование данных реплик может иметь компенсаторную функцию, направленную на саморегулирование эмоционального состояния говорящего.

Итак, выражение равнодушия в современном русском языке представлено значительным количеством речевых рефлексов. Данные рефлексy отличаются оригинальной, этноспецифической логикой ономасиологического аспекта, преобладание в репликах эмоционально-оценочного компонента, выполнение значительной частью РР компенсаторной и саморегулятивной функций. Выявленная в процессе анализа этноспецифичность РР доказывает необходимость их последовательного описания и изучения с целью обеспечения аутентичного владения русским языком как иностранным.

Список литературы

1. Гак В.Г. Речевые рефлексy с речевыми словами // Языковые преобразования. М., 1998. С. 685 — 691.
2. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Там же. С. 645 — 662.
3. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1989.

4. *Кант И.* Спор факультетов. Раздел третий. Об устранении и предупреждении болезненных явлений при дыхании // *Кант И.* Собрание сочинений: в 8 т. М., 1994. Т. 6. С. 313–317.

Об авторе

Т. М. Шкапенко — канд. филол. наук, доц., РГУ им. И. Канта, slavphil@newmail.ru

Author

Dr. T. Shkapenko — Associate Professor, IKSUR, slavphil@newmail.ru

